

Олег ЧЕРТОВ

(1958-1996)

Стихотворения из книги «Вечный Дом»
(Общество памяти и глумения Таисии, СПб-2016)

* * *

Смутного года печальная сказка,
Полная мрачных чудес.
Снежные ночи, да ранняя Пасха,
Да пробудившийся лес.

Утро от яркого солнца ослепло,
Но в приближении тьмы
Снова восстанет из снежного пепла
Искристый феникс зимы.

Звездные блики да странные знаки
В тёмной небесной слюде.
Вдоль побережия – льдистая накипь
На загустевшей воде.

В вешней распутице тонут дороги,
Но на исходе Поста
Явится юноша, тихий и строгий,
С посохом в виде креста.

В обетование будущей встречи
Сгинет злой призрак зимы,
В храме умершем затеплятся свечи,
И возликуют псалмы.

Апрель 1984

* * *

Опять стрекозой на тростинке
Качается доля моя,
И я уйду по тропинке
От дома до небытия.

Туман по низинам клубится,
Роса на траве и коре.
И странная серая птица
Тревожно кричит на заре.

Уже занимается утро,
Но путь не тяжёл и далёк.
И, значит, найдётся минута
Присесть у воды на пенёк.

Минуты плывут или годы,
Но Судьи ко мне не строги.
И вновь под зелёные своды
Вернусь от спокойной реки.

Шагать по тропинке заросшей
Под ломкую песню дрозда,
Молиться на взгорке, за рощей,
Расцветшему Древу Креста.

Июнь 1984

Пасхальное

Мы приближаем День Господень,
Когда нас побеждает плоть,
И пусть от Господа уходим –
Не оставляет нас Господь.

И после зимнего мытарства
Грехопадений и невзгод
Он покаянное лекарство
В пасхальной ложке нам даёт.

Христос, сидящий одесную,
Молитве горестной внимли!
Замкни петлю мою земную
И душу отпусти с Земли.

Молчит... Но что-то озарилось
В забытом тёмном уголке:
Я болен. Детство. Мать склонилась,
И – ложка с каплями в руке.

1985

* * *

Тане

По следу не улыбчивого князя,
По следу неуступчивого Спаса,
По следу той, что нехотя прекрасна,
Лети, душа, стараясь не шуметь.
А то ведь заплутаешь по болотам,
Ослепнешь и оглохнешь ненароком,
И так, бродя по пагубным дорогам,
Без покаянья встретишь свою смерть.

Бежали мы от Молоха к Мамоне
И к ночи – очутились в Вавилоне,
Где развалился на безбожном троне
Безбожный царь Навуходоносор,
Где в низком небе тусклые светила,

Где вновь затравят львами Даниила,
Как будто нашей крови не хватило
Предотвратить очередной позор.

Я сам отравлен вавилонским бредом,
Но ты, душа, лети за теми следом,
Кому был этот душный плен неведом,
А я вздохну поглубже и затем,
С улыбкой, оглядевшись для начала,
Отбросив всё, что дух отягощало,
Навстречу той, что без меня скучала,
Отправлюсь по дороге в Вифлеем!

1986

* * *

Все ближе край, все глубже узнаю
О старости, о тщетности, о боли...
Бесцельно пресмыкание в юдоли,
Безумен эквилибр по острию.
Земля моя – в разврате и разбое.
Прости, Господь, я больше не пою.

Но прежде, чем совсем к Тебе приду,
Подай напиться из Твоей ладони
Той горькой влаги, что текла в Кедроне
В ту ночь ниссана, в том сыром саду,
Где страшный текст своей финальной роли
В кровавом Ты разучивал поту.

Взгляни: опять сожжён Ершалаим,
Где был поток – там солоно и сухо.
Но всё-таки Ты преклоняешь ухо
К рифмованным стенаниям моим.
Ты Сам лукавый разум изменил,
Обогадив созвучьями простыми.
И вот теперь молюсь среди пустыни,
И шёпот этот сотрясает мир.

1987

* * *

А мы ещё не плачем над травой,
Не молимся последнему закату,
Хотя давно механик бородатый
Подвесил к гильотине нож кривой.

А мы ещё не торим звёздный путь,
Всё мечемся на грани тьмы и света,
Хотя давно стрелок из арбалета
Тупой стрелой нацелился нам в грудь.

Стекает время, как из рук вода,

И выпит мёд, и горький хлеб доеден.
А мы всё сомневаемся и бредим
И копим Божий гнев на День Суда.

1987

* * *

Итак, Господь, Синод Твоих светил
Прошёл две трети годового круга.
И лес затих – ни шороха, ни звука.
В нём хорошо дышать, шагать упруго,
Вздохмачивая золотой настил.
Я счёл бы мир игрушкой Демиурга,
Когда бы Ты в него не приходил.

Как осенью наглядней и острей
Твой замысел! Как дороги минуты
Покоя после выпитой цикуты,
Пока не встал из северных морей
Кошмарный знак страны – Гиперборей.
Но вижу: позади Великой Смуты
Грядёт период Судей и Царей.

А здесь я – гость. Я помню тот ковчег,
Где было вдоволь музыки и света,
Где был приятен день и свят ночлег,
Где мне светильником была комета
И рад был человеку человек...
Но та земля моя – ветхозаветна,
В ней живы Халев и Мельхиседек.

Я – поросль от древнего ствола,
Последняя надломленная ветка.
Знамения, верчение стола,
Орфические прорицанья грека,
И магия, и мистика числа –
Мне всё доступно. Так вина ли предка,
Что жизнь, подобно Стиксу, протекла
Сквозь Чёрный Город мирового зла?

На скудный берег оглянусь с кормы,
Из плена устремясь к последней воле.
Казалось бы, что мне до той юдоли,
Где кровь, и тлен, и стоны среди тьмы?
Ненадолго, как Павел в Путеоле,
Дорогой в Рим, здесь пребывали мы...
Вот мысли, приходящие без боли,
В преддверье Тирании и Зимы.

1990

* * *

Господь, Господь, мой дольний дом в огне.

Не я ль Тебя молил о том пожаре,
Чтоб кровью захлебнувшейся державе
Не сдохнуть на Иудином ремне?
И вот огонь, которого мы ждали,
Потрескивая, бродит по стране.
Восстал Голгофный мрак на нас двоих.
Я – Твой свидетель, видно, из последних,
В чумном пиру рыдающий наследник
Пророчеств и раскаяний Твоих.

Итак, Господь, мы встретимся в дыму.
Признаешь ли меня под слоем сажи?
В последний час моления о чаше
Не приведи остаться одному!

Выходит, мы свой дом не сберегли.
Пылает осквернённое жилище,
В проёмах равнодушный ветер свищет
И пепел поднимает от земли...
Поутру, приходя на пепелище,
Не обожгитесь, братья, об угли.

1992

* * *

В оплавленных сугробах утопая,
Поближе к полынье, на край припая,
Откуда выползает тварь слепая –
На кровь, на кровь, на дым пороховой.
Печально быть свидетелем-изгоем,
Вбирать одно, а постигать другое.
Се третий ангел с огненной трубою
И воспалённый нимб над головой!

Затягивает нас полынный омут.
Доколе, Боже, – праведники стонут,–
Ты нас не отомстишь, и не потонут
В огне дела водимых сатаной?
Они опять злодействуют свирепо,
В крови ножи и церкви в клочьях крепа,
И горькое, немоленное небо
Над этой обездоленной страной!

Но где Твой Ной, и Лот, и где Иаков,
Пастух овец и собиратель злаков?
Где рыбаки, те, что бредут без знаков
Небесного величья за Тобой?
Здесь мрак и тлен, здесь умирают птицы.
Дочитаны последние страницы.
Здесь нет избранья, кроме багряницы,
Здесь все равны пред ангельской трубою!

Псалом к Тебе: изгой, в чумном угаре,
И я Тебя молил о том пожаре.
Без страха, в приближенье адской твари,
Стою, не уповая ни на что.
И вижу, как грешно и предпотопно
Живёт Земля, и люди смотрят в окна,
Как к дереву гофер, грызя волокна,
Спешит в руке у Ноя долото!

1994

* * *

Земля моя, равно Добру и Злу
Причастна ты. Скоря ты на расправу
И на раскаянье. То ненависть, то славу
Ты, словно бисер, нижешь на иглу.
Ты родила Иисуса и Варавву.
Тебе не усидеть в своём углу,
И трое бесов, впрягшихся в державу,
Нас без дороги волокут во мглу.

Но помню, помню, Господи, для нас
Ты был и терпеливым, и нестрогим.
Мы, Божьи дети, выросши в остроге,
Бывали всё же счастливы подчас.
Ворота настезь. Месяц тонкорогий
Меж облаков то вспыхивал, то гас,
Когда бросали жребий при дороге
Российский демон и российский Спас.

Стал непрозрачно-мутным небосклон,
Закрылся грязно-серою фатою.
Однако лишь за сотою верстою
Я начал понимать сквозь вязкий сон:
Мы шли не в Вифлеем, а Вавилон,
Спеша за неопознанной звездой.
Свобода обернулась пустотою,
Разбойным свистом – колокольный звон.

Предвижу я, как будешь Ты суров
К нам, принявшим болотное свеченье
За свет Звезды. Фальшивое ученье –
За проповедь Твою. Зацветший ров –
За Иордан. Покинув прежний кров,
Мы проезжаем мрачное ущелье.
Взыскуя за своё же попущенье,
Не отыми, Господь, Твоих даров!

1995